

Глава XL

Путешествие Мистера Питера Пеккрафта в Клоистергэм. Эдвину Друдю позволяют встать и объясниться

Для некоторых особ, которые, как улитки к раковинам своим, прилипают раз навсегда к обыденной, заведенной ими колее жизни, с которой они спадают только в открытую для них могилу, даже один день вынужденного отсутствия из дому считается ими за эпоху в жизни, от которой они поведут свое летоисчисление ко всем менее достопримечательным происшествиям жизни их.

Для Мистера Пеккрафта, двигающегося с давних лет по улиточному принципу, канун Рождества сделался днём, который приближался к нему под всевозможными неправдоподобными видами. Обещая Эдвину Друдю явиться 24 Декабря в «Крозгёр» и провести ночь в Клоистергэме, наш почтенный антикварий принес себя этим обещанием положительно в жертву на алтарь Дружбы.

Но время, невзирая на желание Пеккрафта остановить его течение, проходило своим порядком, и наступил, наконец, тот страшный для него день, когда он повторил себе с невыразимым ужасом:

«Завтра».

Пришел и вечер, а за ним наступил и час вечернего чая у Мисс Кип. Мистер Пеккрафт сел за свое обычное место у стола видимо в раздраженном состоянии духа и в первый раз в продолжение восемнадцати лет забыл приготовить себе методически и аккуратно четыре ломтика намазанного маслом хлеба. Нервно хлебал Пеккрафт свой чай, угрюмо раздумывая о неосторожности механиков по железным дорогам и о непрочности человеческой жизни. Неуверенность его в том, что увидит ли он еще когда стоящий перед ним в эту минуту чайный стол, заставляет разгоряченное воображение старого джентльмена выдумывать нарочно для него самые ужасные картины. То видит он себя далёко летящим в самом раздробленном состоянии через деревья и дома и как бы выстреленного в виде заряда из одного из вагонов вследствие разрыва котла, то замаскированные разбойники (история, слышанная им в детстве от Пеккрафтской бабушки) нападают на мирный Клоистергэмский omnibus и предают его лютой голодной смерти в одном из подземелий, окружающих все Клоистергэмские жилища и о которых ему известно в силу любимой профессии антиквария... Ужас его при этой страшной картине доходит до такой высокой точки, что бедный Мистер Пеккрафт под влияньем горестной рассеянности чуть не засовывает отрезанного им кусочка хлеба в рот Мисс Кип, принимая ее рот за свой собственный. Последняя эта странная ошибка так взволновала поэтическую хозяйку, приметившую с самого появления своего старого постояльца, что он чем-то расстроен, что она не может долее воздержаться и восклицает, горестно разглядывая своего верного жильца:

«Что приключилось с вами, ради Бога,
Зачем такой тоской горит ваше лицо?..
Ваш чай забыт, душевная тревога
Заставила вас сыпать – сахар на яйцо!!»

Мистер Пеккрафт чувствует себя очень смущенным этим замечаньем и, отвечая ей, просит не беспокоиться за него, добавляя, что, в сущности, ничего не случилось такого серьезного, но что ему следует ехать назавтра в один соседний город и поэтому с непривычки подобное путешествие тревожит его.

Услыша эти слова, Кип поражена, как бы громовым ударом, и, безмолвно всплеснув руками, даже не находит рифмы в голове, но, устремив удивленный взор в потолок, принимается сочувственно следить за замерзающей мухой. Так молча сидят они одни в этот вечер и молча расходятся.

На другое утро Мистер Пеккрафт встает в обычный час с чувствами, весьма напоминающими¹ впечатления приговоренного к виселице преступника, ожидающего только появления шерифа, чтобы отправиться в вечность. С такими же чувствами садится он к завтраку и уходит в обычный час свой в лавку древностей, где и борется в продолжение многих часов с

¹ Далее зачеркнуто: ему.

тайным желанием привести в порядок дела и написать свое духовное завещание. Молча и задумчиво прогуливается антикварий, пока в нём не является сильнейшего сожаления, зачем он не может занять место флегматически курящего Турка, спокойно проводящего жизнь свою за дверью конторы, и послать этого восточного джентльмена на свое место к тому, что, по его мнению, начинает уже казаться ему неизбежной смертью. В первый раз в жизни своей он пропускает час второго завтрака, возбуждая этим необычайным поступком изумление Автомата-Прикащика, который следит за ним исподтишка.

Но наконец смеркается; колокол глухо пробивает четыре часа на ближайшей колокольне, и Пеккрафт, бросив последний взгляд на дорогие сердцу его древности, отправляется на железную дорогу.

Усевшись в вагон, нравственная пытка его увелич[ив]ается тем знаменательным обстоятельством, что некий весьма грязной наружности маленький джентльмен проворно юркает между собравшимися пассажирами на платформе, предлагая каждому из них билет от² Общества Застрахования Жизни, принадлежащего к той же Компании Железной Дороги, и смотрит на каждого из них с таким жалобным, сочувственным взглядом – как бы желает добавить после формального:

«Билет, сэр? [В] один шиллинг билет? В полкроны билет? – Не лучше ли, бедный, осужденный на смерть друг мой, расстаться вам при жизни с шиллингом, чтоб получить после смерти несколько сот фунтов? Решитесь!»

По крайней мере, Мистер Питер Пеккрафт ясно читает на лице грязного агента это дружеское предложение, поэтому сев в вагон, он тотчас же закрывает глаза, приготовляясь умереть в самом спокойном положении, и раскрывает их, только услышав, как поезд останавливается, а кондуктора кричат:

«Клоистергэмская Станция!»

К удивлению его и неожиданной радости также благополучно достигает он в древнем омнибусе через полчаса времени³ самого городка, в котором Джо высаживает его у подъезда «Крозгёр».

Через несколько минут названный им в Гостинице Дэтчери является. Представившись ему, он ведёт его прямо наверх к знакомой нам двери в коридор и, открыв её, Мистер Пеккрафт находит себя в присутствии совершенно незнакомого ему человека, очень смуглого и с черной повязкой на глазу.

«Надеюсь, Мистер Пеккрафт, что вы не забыли Эдди», – говорит ему голос, напоминающий ему кого-то.

И смуглая рука протягивается к нему.

Бедный джентльмен чувствует себя совершенно растерянным. Он узнал голос, но не узнает говорящего с ним молодого человека. Смутное подозрение того, что он незаметно для самого себя был убит на железной дороге, заставляет его на минуту приписать всё, происходящее перед ним, за посмертные виденья...

«Неужели же вы всё еще не узнаете меня?» – повторяет голос, снимая одним взмахом руки курчавый черный парик и черную повязку.

«Эдвин Друд! Молодой друг мой! – восклицает изумленный джентльмен, разглядывая его и радушно пожимая протянутую руку. – Но к чему это переодевание?» – добавляет он, начиная злиться и уж решительно ничего не понимая.

«Сейчас всё узнаете. Потерпите немного», – смеясь, отвечает Эдвин.

«Теперь, когда вы смеетесь и сняли этот удивляющий меня парик, – медленно произносит недоумевающий джентльмен, – я узнаю вас еще более по улыбке, столь схожей с улыбкой вашего отца... Но вы так сильно загорели, что даже теперь трудно еще узнать вас».

«Позвольте мне оставить вас на несколько минут с приятелем моим, Мистером Дэтчери. Мистер Дэтчери – Мистер Пеккрафт», – представляя их обоюдно и пользуясь пожиманьем рук, Эдвин исчезает.

Через несколько минут он возвращается, снова повергая почтенного Пеккрафта в такое же изумление. Перед ним стоит знакомый ему Эдвин; загар совершенно исчез, уступая

² Далее зачеркнуто: *за*.

³ Далее зачеркнуто: *до*.

обыкновенн[ом]у белому и прекрасному цвету лица, а широкое старомодное пальто, которое висело на нём за несколько минут до того, представляя его толстым и неуклюжим, заменилось обычной ему одеждой.

«Господи, помилуй нас! – восклицает Пеккрафт, высоко подымая руки от удивления. – Должен ли я думать, что вы потеряли разум, Нэд, или же что я сам помешался?»

«Надеюсь, что оба пока находимся в здравом рассудке. Тем более что теперь ваш ум и здравый смысл нам более чем когда-либо необходим», – отвечает Эдвин, смеясь.

«Позвольте мне, – замечает Дэтчери, – объяснить вам всё непонятное для вас примером, сэр. Если бы трое нас, сидящих здесь, открыли бы какое-нибудь зловредное, хитрое животное, а во всех четырех залах комнаты находилось бы по открытой двери, в чём бы мы более всего нуждались в случае, если бы пожелали поймать это животное, чтобы не выпустить его из комнаты?»

Мистер Пеккрафт мигом открывает себя еще более в потемках после такого ясно объясненного примера, но, подумав, решается сказать:

«Четвертого человека для четвертой двери?»

«Измумительно верно, дорогой сэр! Так, так, – отвечает Дэтчери, потирая себе руки. – Вот поэтому-то и решились мы обеспокоить вас, сэр, просьбою присоединиться к нам».

Пеккрафт молча оглядывается кругом, как бы отыскивая четвертого охотника, но, не видя никого, так же молча предается в руки судьбы.

«Четвертый явится в свое время, дорогой Мистер Пеккрафт», – успокаивает его Эдвин, заметив взгляд.

«Он тот, который первый открыл зверя. А зверь, – продолжает он, горько усмехнувшись, – мой любящий опекун и дядя, Джон Джаспер. Но так как я не желаю вас долее мучить, то тотчас же примусь за объяснение. Это довольно длинная история, приготовьтесь заранее к терпению... Дэтчери, запирайте дверь на ключ, – продолжает он, усаживая Пеккрафта к камину и садясь возле него, – и остановите меня, если я что забуду».

Прошрое Рождество – ровно год тому назад – я приехал сюда, чтобы окончательно решить день свадьбы с Розою, – это вам было известно. Но не думаю, чтобы было столь же известно и то, что случилось со мною затем».

«К счастью своему и спокойствию, не знал, – прерывает Пеккрафт ворчливо, – и оплакивал вашу смерть только за несколько часов до получения от вас письма».

«Хотя мы искренно были привязаны друг к другу, но любви между нами не было, и Роза решила вместе со мною в последнем нашем свидании, что так как мы представили бы из себя весьма печальный образчик супружества, то лучше было нам разойтись друзьями».

Объяснив Пеккрафту все известные читателю обстоятельства, произошедшие перед Рождеством между им и Невилем, как и события, касающиеся до него лично в доме Джаспера, Эдвин продолжает:

«Наше примиренье за ужином прошло благополучно, и Невиль и я искренно пожали друг другу руку. Джэк оказался самым любезным хозяином; но одно любопытное, сделанное мною замечанье в тот вечер объяснилось для меня гораздо позднее, всего несколько месяцев тому назад».

Я заметил, что в продолженье целого вечера он не спускал с меня глаз, и два или три раза я положительно уловил в этих опускающихся пред моими глазами взглядах что-то особенное, что поразило меня тогда же. Взгляд этот до такой степени стал тяготить меня, преследуя всюду, что я, наконец, сказал ему, полушутя и полусерьезно: “Мой дорогой Джэк, если бы я был женщиной, то, клянусь честью, подумал бы, что ты смертельно влюблен в меня!” Он засмеялся своим обычным нервным и прерывистым хохотом и спешил оправдаться тем, что так как я на другой день уезжаю, то он, быть может, не увидит меня долго. Оправданье было странное со стороны человека, который мог быть уверен видеть меня когда угодно, взяв на себя небольшой труд съездить в Лондон. Но я промолчал, почувствовав к нему какую-то странную неприязнь».

В полночь мы расстались с тем, чтобы прямо отправиться полюбоваться рекой в эту бурную ночь, так как Невиль уверял почему-то, что зрелище должно быть бесподобное».

Джэк отказался идти с нами под тем предлогом, что очень устал и тотчас же отправится спать. Мы не настаивали и пошли одни».

Через полчаса, наболтавшись и налюбовавшись вдоволь рекой, мокрые и усталые, мы простились. Невиль Ландлесс пошел к Минор-Канонскому дому, а я направился к себе. Дождь перестал, но ветер дул с силою урагана со стороны реки; чтобы сколько-нибудь предохраниться от него, я завязал большой фуляровый⁴ платок вокруг головы и приподнял стоячий воротник от тёплого пальто вокруг шеи. Спеша домой, я шел прямо, не глядя по сторонам, когда, поравнявшись с Собором почти возле переулка, узкого и всегда тёмного даже днём, а в эту ночь особенно мрачного, сильный удар по голове ошеломил меня. То было мгновенное, быстрое, как молния, чувство сознания об этом ударе, потому что я тут же свалился на землю без чувств, не успев даже вскрикнуть. Как долго лежал я в этом состоянии – не знаю, но когда очнулся, то увидел себя в низкой четверугольной комнате с каменными потолком и полом и такими же стенами; и на одну минуту так убедился, что лежу в гробу и склепе, что даже вид надетого на меня савана не удивил бы меня более, подтвердив во мне эту уверенность. Но не успел я пошевелиться, как знакомое лицо наклонилось надо мною, стараясь вложить мне горлышко бутылки между губ. Замета во мне возвращающиеся признаки жизни, стоящий возле меня посоветовал мне “здоровее хлебнуть”. Глоток водки так подкрепил меня, что⁵ через несколько минут я мог уже ясно отдать себе отчет в полученном мною ударе, тем более что, желая повернуть к нему голову, почувствовал в ней такую сильную боль, что чуть было не потерял снова сознание. Оправившись, я увидел себя лежащим на полу с каким-то старым сюртуком под головою, бессмысленно глядя на старающегося привести в чувство товарища.

“Редко когда приходилось Дёрдльсу ухаживать *дохтуром* за своими “Костлявыми”, – проворчала надо мною фигура. – Дёрдльс доселе являлся только после этих ученых джентльменов. Коли мне Бог поможет вас воскресить, так завтра же вывешу я вывеску над этой дверью: “Дёрдльс – Гробокопатель, Каменщик и Дохтур”. Что, лучше, что ли, вам?”

Хотя я понимал всё сказанное им, но не мог еще отвечать от слабости. Наконец, собравшись кое-как с силами, шепотом спросил его, что всё это значит? Он поднёс указательный палец к моему лицу и стал медленно и выразительно трясти его над моим носом; окончив эту предварительную операцию, он сделал мне следующий странный вопрос, “помню ли я Джаспера?”. Конечно, я помнил его, не зная, почему бы мог забыть его. Я так и отвечал.

“Ладно, – говорит он мне, – так вот, через этого-то достойного джентльмена вы и здесь с проломанной головою”.

И принимаясь тут же за свою удивительную фразеологию, он рассказал мне в выражениях, которых я даже не стану пытаться передавать, как он нашел меня лежащего, как показалось ему, совсем убитого, и что – страшно выговорить – убийца мой был человеком, которого дотоле я считал любящим меня искренно и сам любил его как родного брата».

«Но ради Бога? – восклицает Пеккрафт в невыразимом ужасе. – Кто же?.. Неужели...»

«Джон Джаспер – родной брат моей матери, дядя и опекун мой! – отвечает Эдвин, побледнев при этом воспоминании. – Оказалось, что Дёрдльс, – продолжает Эдвин, – который, как вы сами скоро убедитесь в этом, известен всему городу как чрезвычайно эксцентричная личность, имеет привычку проводить большую часть ночей своих на чистом воздухе. В эту самую ночь ему почему-то показалось, что ветер должен непременно сыграть какую-нибудь штуку с старой Кафедральной Башней; поэтому он решил караулить её. Усевшись спокойно за одним из больших памятников кладбища, он потерял всякое понятие о времени по его же собственному сознанию, так как вследствие холодного дождя и ветра слишком часто прибегал к согревающей его бутылке. Проснувшись, он хотел было уж встать, когда вниманье его стало привлечено чьи-то быстрыми шагами и крадущейся вслед за прохожим тенью. Поравнявшись с тем местом, из-за которого выглядывал Дёрдльс, тень внезапно бросилась на прохожего и, повергнув его одним ударом на землю, за решеткой кладбища всё утихло. Первым движением Дёрдльса было бежать на помощь, но он был остановлен непонятными ему движениями тени, поэтому притаившись еще более, он стал приглядываться. Тень тащила быстро, но осторожно чье-то тело к кладбищу; и прямо направившись к памятнику Мистрисс Сапсеа, отворила дверь гробницы ключом и, втащив туда тело, вышла оттуда и, заперев снова дверь, повернулась идти. Но как наказание Божье в эту самую минуту блеснула сильная зарница и, осветив всё лицо тени, Дёрдльс узнал в ней к ужасу

⁴ Фуляр – тонкая, легкая и очень мягкая шелковая или полотняного переплетения ткань.

⁵ Далее зачеркнуто: я.

своему Регента, Джона Джаспера! Собираясь уходить, Джаспер споткнулся и выронил при этом ключ; пошарив несколько минут по земле, он не нашел его, так как Каменщик услышал несколько слов проклятия. Уходя, он обернулся еще раз, и проходя в двух шагах от Дёрдльса, последний ясно услышал следующие непонятные для него слова:

«Я предостерегал его, но он не послушал предостережения!»»

«Но ради самого Неба! – восклицает Пеккрафт. – Разве Мистер Джаспер с ума сошел, что ли?»»

«Терпение, сэр; сейчас всё объяснится вам и вы поймёте.

Всего более удивило хладнокровного Дёрдльса то обстоятельство, каким образом мог Джаспер достать себе ключ от памятника, когда единственный существующий, по его мнению, ключ находился у него в эту минуту в кармане? Но будь сказано к чести достойного Каменщика, эта забота тревожила его недолго, и он сосредоточил всё свое внимание на теле, задышающемся в ту минуту в гробнице. Как только затихли вдаль шаги Джаспера, он отпер, в свою очередь, гробницу и нашел меня в ней бесчувственным. Он убедился тогда в той мысли, что Регент хотел убить меня, и поэтому тотчас же решил перенести меня к себе и постараться спасти прежде всего, а уж затем предоставить всё дело мне одному. Вынося меня из склепа, он наступил и на ключ и припрятал его себе в карман. Вот всё, что узнал я от Дёрдльса в то время, так как впал в крепкий лихорадочный сон и проснулся только на другое утро.

Несмотря на свою слабость, я хотел одеться, но узнал к неприятному своему изумлению, что всё мое платье было снято с меня Джаспером в гробнице. О платье я не беспокоился, но зная, что в боковом кармане у меня лежал медальон с портретом Розы и чрезвычайно дорогое кольцо, которое я должен был возвратить тотчас же, вернувшись в Лондон, потеря эта чрезвычайно взволновала меня.

Услышав об этих вещах, Дёрдльс попросил меня посидеть пока спокойно взаперти, обещая принести мне платье мое, о котором также, по-видимому, знал кое-что.

Через полчаса он вернулся ворча и с очень мрачным лицом; платье он принёс, отыскав его чрезвычайно оригинальным образом, но драгоценности исчезли.

Вот что узнал я от него: у Дёрдльса по специально заключенному контракту находится в Клоистергэме ночная тень, некий мальчишка Депутат, специальная обязанность которого заключается в том, чтобы ходить за ним по пятам всякую ночь и загонять домой, когда тот пьян, что с ним случается регулярно всякий вечер. В ту самую ночь Депутат, рыская за ним по всем закоулкам Минор-Канонского Угла, заметил Джаспера, которого он страшно ненавидит, отворяющего дверь Монастырского подземелья и отправляющегося туда с фонарем. Убедившись, что он был один без Дёрдльса, этот мальчик с врожденной ему хитростью прокрался за ним в древние склепы, любопытствуя узнать цель такого путешествия; знакомый к тому же через дружбу свою с Дёрдльсом со всеми закоулками подземелья, Депутату нетрудно было следовать за Джаспером незамеченным и в отдалении. Должно быть, хорошо был он знаком с местностью и принял меры свои заранее, потому что, по словам мальчика, направлялся не колеблясь, как “летающий кременёк”, и прямо вошел в восточную часть склепов. Там, тщательно осмотревшись с фонарем и убедясь, вероятно, в глубине души, что за ним не следят, Джаспер раскопал кучу мусора и открыл один из склепов, вероятно, заранее замеченный им. Туда сложил он мое платье, вынув оттуда все вещи предварительно тому. Долго рассматривал он при свете фонаря портрет в медальоне и начал снова засыпать склеп. Но Депутат не ждал окончания работы, а удрал, боясь быть открытым им. Выбежав из склепов, мальчишка долго искал Дёрдльса, не подозревая, чтобы тот мог быть дома иначе, как загнанный по примеру рогатого скота и “подгоняемый камнями”. Но на заре прибежал к нему в его оригинальное жилище, куда Дёрдльс его не впустил, чтобы не выдать меня, но разузнал от него все обстоятельства на дворе. К счастью, в тот день было Рождество и работники Дёрдльса не являлись целый день. Запретив мальчишке говорить кому бы то ни было о виденном им под угрозой смерти, Дёрдльс пошел с ним в склепы и по указанию его отыскал моё платье; ему чрезвычайно была неприятна та мысль, что я могу обвинить его друга и сподвижника в покраже вещей, но сам он был убеждён, что Депутат говорит правду. Узнав все эти обстоятельства, мне пришла мысль наказать Джаспера, которого я возненавидел с этой минуты за его лукавство, и, перехитрив его, заставить мучиться в тысячу раз более, нежели могло то сделать правосудие. Сообщив свой план Дёрдльсу, бешенство которого не знало границ за то, что Джаспер

обесчестил “дома его Костлявых” преступлением, я, по совету его, должен был поневоле открыться и Депутату, прежде чем тот услышит о моём исчезновении; под влиянием страха виселицы Депутат легко мог выдать тайну о виденном им в подземелье, несмотря на угрозы Каменщика, а тогда – весь план мщения моего рушился бы. И так, мальчишке объяснили, что следует, и восторг его был неописанный при той мысли, как он может насолить врагу “Джасперу”, если сумеет только молчать.

Цель моя была убедиться, во-первых, какая могла быть причина, заставившая Джаспера решиться на такое преступление в отношении меня. С другой стороны, я желал узнать, как примут мнимую смерть мою все друзья и знакомые; и, сознаюсь вам в том, моя хорошенькая кошечка, Роза, играла немалую роль в моём проекте. И так, решившись, я должен был стараться привести свой план в исполнение самым лучшим образом. Дело было трудное, так как единственными помощниками моими были Дёрдльс и уличный сорванец. Но последний оказался умнее всех нас. Ненависть его к Джасперу и врожденная дьявольская хитрость помогли нам как нельзя лучше. На его долю выпала обязанность наблюдать за Джаспером день и ночь. Переодевшись с помощью Дёрдльса, который обрезал мне волосы и превратил в каменщика, я в ту же ночь уехал с ним в Лондон, где, наняв комнату под чужим именем, оставался на попечении у доктора целых два месяца; во всё это время Дёрдльс регулярно навещал меня каждые два-три дня; эта философская личность, пользуясь во всём околотке славою величайшего оригинала, снуя и днём и ночью всюду, где собирались поговорить о моём таинственном исчезновении, делая вид, что ничем не интересуется, и слыша всё, передавала мне малейшие подробности о происходящем в Клоистергэме. Положительно можно было ручаться, с другой стороны, что Депутату оставались неизвестными одни лишь действия в собственной квартире Джаспера, так как он следил за ним как тень его. По выздоровлении своем я долго обдумывал, как бы мне так измениться, чтобы Джасперу невозможно было бы узнать меня. Наконец, я успел – и вы сами видели теперь, Мистер Пеккрафт, удалось ли мне это переодеваньё», – добавляет Эдвин, весело смеясь.

«Действи-тель-но, – протягивает Пеккрафт. – Но продолжайте».

«Приехав в Клоистергэм, я заперся в этой комнате и с тех пор мало выходил из нее. Таким образом я мог ближе наблюдать за моим угнетенным горем дядюшкой.

Вначале я было составил другой план, а именно, довериться опекуну Розы во всём и, быть может, также и Минор-Канону. Признаюсь, мне делалось скучно, и я готов был развязать Гордиев узел самым прозаическим образом, если бы Дёрдльс не останавливал меня почему-то. В один день, когда я приготавливался, сорвав с себя парик, прямо идти к Джасперу и уличить его как негодяя, пришел Дёрдльс и объявил мне, что в Клоистергэме поселился один джентльмен, который признался ему, что Джаспер погибнет лишь от его руки, и так как он доверился ему, Дёрдльсу, то Дёрдльс и не видал причины, почему бы ему и не возратить его доверенности насчёт меня, так как “две головы всегда лучше одной”, прибавлял он, а его голова годна лишь к беседе с бутылкой да с “Костлявыми”; не дав мне времени опомниться, он ввёл в комнату этого джентльмена, моего лучшего друга!»

И Эдвин молча указал на Дэтчери.

«Я открыл Мистеру Дэтчери все подробности, известные мне о Джаспере, а он, в свою очередь, доверив мне страшное, неисправимое зло, сделанное ему Джаспером, умолил меня пообождать [с] открытием еще и, к удивлению моему, объяснил мне неизвестную мне самому причину еще ненависти ко мне Джаспера.

Джон Джаспер любил Розу, невесту мою, не зная о решении нашем расторгнуть этот задуманный брак; для удовлетворения своей страсти он решился – на преступление! Услышав это, я согласился на всё; не знаю почему, то, что казалось мне едва три месяца тому назад одною братской привязанностью, разгорелось при этом неожиданном известии в положительную сильную любовь. Я возненавидел Джэка еще более за это, узнав, как бежала бедная девочка из Клоистергэма от страха к нему, по соображениям Дэтчери и из того, что он слышал от Минор-Канона».

«Имела некоторое основание опасаться его, – замечает пораженный Пеккрафт, – если судить по случившемуся с нею несколько времени тому назад. Грейджиус назвал мне негодяя, узнав, что вы живы».

И раздраженный антикварий рассказывает историю о похищении маленькой Розы.

«Чудовище! Развращенный демон! – восклицает побледневший от ярости Эдвин. – О! Он еще мало страдает! Я мог бы простить ему желание убить меня, но её – обесчестить несчастного ребёнка! Никогда не прощу я ему этого!»

«Успокойтесь, Эдвин, – хладнокровно перебивает его Седовласый с лицом страшнее в спокойствии своём, нежели вся ярость молодого человека. – Час жатвы – наступил! Он посеял, ему и пожинать. А вы, – продолжает он, обращаясь к Пеккрафту, – как вы чувствуете себя?»

«Я чувствую себя, – ответил задумчиво Пеккрафт, – что я брожу впотьмах, не быв в состоянии отдать себе отчета, как может природа допускать себя до произведения – подобных Нравственных Уродов? Я давно знаю Джаспера, с малых лет его, и отдаю себе теперь справедливость в том, что разгадал характер его вполне, когда он был еще мальчиком».

«Как вы думаете, Мистер Пеккрафт, – говорит Эдвин, – будет ли у вас довольно терпенья выслушать еще об одном достойном Джаспера поступке?»

Пеккрафт с раздражением наливает себе стакан принесённого Дэтчери вина и, залпом проглотив его, синеет от злости, отвечая:

«Полагаю, что если у меня хватило терпенья выслушать то, что я слышал от вас, то меня уж впредь ничего не может более удивить⁶ со стороны этого человека».

В свою очередь, Дэтчери повторяет ему рассказ о своей жизни и о несчастной кончине сестры.

«Я посетил дом, в котором находится теперь её дитя, еще вчера, желая заботиться о малютке, насколько будет мне то возможно. Но до сей поры не мог еще решиться увидеть её саму. Мне говорили люди, знавшие ее мать, как удивительно она похожа на неё... И я не смею довериться самому себе; один взгляд на этого ребёнка, вероятно, был бы достаточен, чтобы заставить меня забыть все свои планы продолжительного мщения – и разорвать чудовищного негодяя на мелкие куски!»

И, схватив стакан, Дэтчери давит его вдребезги в своей мощной руке.

«И весьма, весьма натурально, – хотя между нами сказать, это немного и кровожадные чувства, – отвечает Мистер Пеккрафт примирительно. – Мало кто может извлечь себе пользы, взяв в собственные руки закон, принадлежащий одному легальному суду. Девять раз из десяти негодяй пользуется всей симпатией публики, а настоящая жертва осуждена и законом, и людьми».

«Неужели вы можете полагать, что в этом случае я стану ожидать законного суда, на который мне даже нечего и рассчитывать в подобном проступке, и оставлю этого негодяя на произвол Судьбы?» – бешено восклицает Дэтчери.

«Мой дорогой сэр, – спокойно отвечает Пеккрафт, – я человек старый и придерживаюсь старых правил. По-моему, никто не должен брать на себя незаконно роль палача. Может быть, я и ошибаюсь; в таком случае будьте так добры и позвольте узнать ваш собственный взгляд на предоставленное вам вместо закона право? Что вы намереваетесь сделать с Джаспером?»

«Я поклялся вырвать жизнь этого человека по кускам! – восклицает Дэтчери с таким внезапным порывом ярости, что оба собеседника его вздрагивают. – Пролить всю кровь его капля за каплей, и, клянусь Небом, совершу всё это! Я удерживался доселе одной силой своей непреклонной воли, потому что желал умертвить его на медленном огне, мучить его с наслаждением, мало-помалу, как собака мучит крысу, попавшую под её власть, прежде чем убивает её последним⁷ ударом!»

«Мистер Дэтчери! – сочувственно говорит Пеккрафт, и в голосе его слышится важная торжественность. – Я уважаю вас за подобную любовь к несчастной умершей сестре. Как сказал я вам и прежде, эти чувства естественны в вас в подобную минуту при воспоминании о всём горе и бесчестии, которые понесла она через этого человека. Но когда ярость от этого воспоминания утихнет и вы поймёте, что кровь врага вашего, пролитая вашими честными руками, не воскресит сестры вашей и не поможет ей, но, напротив, брызнув на вас, запятнает самого навеки и приведёт лишь одного лишнего благородного человека на виселицу за убийство негодяя, то вы согласитесь со мною, что я прав, советуя вам предоставить Джаспера Суду Божьему!»

«Простите меня, Мистер Пеккрафт, – отвечает Дэтчери, взяв старика за руку и говоря тихо, но с горечью. – Простите меня, если я не успел сдержать чувств своих пред вами и оскорбил в вас

⁶ Далее зачеркнуто: *впредь*.

⁷ Далее зачеркнуто: *уда*.

понятие о законах Божеских и Людских. Я уверен в том, что вы мне желаете одного добра моего, но я не могу согласиться с вами в этом случае. Я должен отмстить за сестру мою собственными руками! Нет, нет, дорогое дитя моё, сирота, завещанная мне отцом нашим! – восклицает он, дрожа всем телом. – Я отомщу тому, кто погубил тебя! Памятью твоего детского личика, которое улыбалось мне из колыбели, памятью всей чистой, незапятнанной дотоле девичьей жизни твоей, памятью мученической смерти твоей *клянусь* в присутствии всего света, что этот человек умрёт лишь от моей руки, *если только Творец Вселенной не пошлет видимой преграды к тому!*»

Наступило мучительное мёртвое молчанье. Эдвин сидел бледный как полотно, а Мистер Пеккрафт упорно глядел на огонь, не подымая глаз и опираясь подбородком на набалдашник трости. Наконец, он прервал тяжёлую тишину следующими словами:

«Не стану долее противоречить вам, сэ; вижу ясно, что вы решились и что ничто не поколеблет вас, но я обязан – как честный человек,⁸ как верный гражданин – предупредить вас, что отказываюсь торжественно помогать вам своим вмешательством в осуществлении подобного – извините меня – кровавого преступления!»

И, сурово нахмутив брови, старик берётся за шляпу, чтобы уйти.

«Вы ошибаетесь, сэ, – останавливает его Дэтчери, – я не прошу у вас помощи, как не прошу ее и у никого другого; я совершу всё сам, один, как и давно решил. Наш друг Эдвин просил вас приехать по собственному, касающемуся до одного его делу, а я ожидаю лишь окончания его дела, чтобы покончить с своим. Я оставлю вас теперь наедине, и когда вы условитесь во всём, то я узнаю всё, что мне нужно знать, от него. Благодарю вас за добрый совет, сэ, искренно благодарю, но не могу бросить работу свою неоконченной. Я поклялся, и взять назад своей клятвы не в состоянии; надеюсь, что вы не измените моей доверенности».

«Будьте спокойны, сэ, – отвечает Пеккрафт. – Я никогда не поврежу вам ни в чем».

Избегнув таким образом прямого обещания, старик прощается с ним и остается наедине с Эдвином Друдом.

Тогда молодой человек посвящает его в решенный ими заранее план. План этот был обдуман и условлен заранее на квартире у Мистера Тартара в Адмиральской Каюте между Грейджиусом, Минор-Канонем и Эдвином. Мистеру Пеккрафту предстояла обязанность потребовать у Джаспера все бумаги и дела, касающиеся до опеки племянника, и, посвятив его в неприятную для него новость о том, что Эдвин неожиданно вернулся из страны Элисейских Теней⁹ и требует назад наследство, посоветовать ему как можно скорее исчезнуть из Клоистергэма. Последний совет, впрочем, Эдвин взял на себя без всякого предварительного совещания с друзьями, которые с нетерпением ожидали его ареста и ссылки на каторгу, и под влияньем только что произошедшей мучительной сцены со стороны Дэтчери.

Объяснив подробно все желания свои Пеккрафту, Эдвин снова идёт переодеться – в последний раз, а Пеккрафт отправляется в приготовленную ему комнату, так как было далеко за полночь.

Надев свой ночной колпак в этот вечер и залезая в постель, Мистер Пеккрафт долго не может уснуть под влияньем всего услышанного; а когда сон явился и смыкает наконец вежды почтенного антиквара, не раз пугливо просыпается он, грезя, что видит толстого Турка, убивающего Столопа чубуком Алжирского Дзя, а что Мисс Кип, схватив Джаспера за горло посреди вихря вагонов железной дороги, душит его, требуя немедля жениться на ней.

⁸ Далее зачеркнуто: *обязан*.

⁹ Элисейские поля – в греческой мифологии поля блаженных, загробный мир, куда по окончании жизни попадают любимые богами герои.